

Культура

Дмитрий Володихин

Князь Владимир: Святой на дружинном пиру

В июле отмечается 1000-летие со дня смерти крестителя Руси

Всякий человек, породивший миф, превращается из реальной исторической персоны в личность-образец. Иногда этот образец прекрасен: «мудрый мыслитель», «справедливый правитель», «храбрый воин», а порой чёрен донельзя: «злой колдун», «бессовестный предатель», «свирепый тиран». Так вот, великий князь Владимир Святославич породил не один, а два принципиально разных мифа.

*Великий князь Владимир
избирает религию.
И. Эггинк. 1822*

Немыслимое дело: оба этих мифа — положительные, наполняющие теплым сиянием ореол исторической памяти вокруг его судьбы. Но настолько различные, словно их породили два человека, а не один. Один — былинный вождь богатырей, другой — летописный государь-праведник.

Каким же он был на самом деле?

Всё дело в том, что память о князе Владимире передавали разные общественные группы. И они сохранили то, что каждую из них более всего интересовало в его личности.

Повелитель мечей

Образ князя Владимира как главы ратоборцев сохранил военный люд — дружина, древнее боярство, жившее в далекую эпоху киевской «империи Рюриковичей», не отстегивая ножен с мечом от пояса.

Для этих людей Владимир Святославич был прежде всего военным вождем. Человеком, который имеет первенство на дружинном пиру и водит храбрых «воев» на врага под дружинным стягом. Для них великий князь киевский выглядел своего рода русским конунгом*, который не желал дальних плаваний во главе викингского войска, поскольку отказался от моря в пользу земли, но уж землю свою

▼ **Князь с дружиной.**
Миниатюра из «Сказания о Борисе и Глебе». XIV в.

Дружина — княжеское войско, являющееся таким же необходимым элементом в древнерусском обществе, как и князь. Князь нуждался в военной силе — как для обеспечения внутреннего порядка, так и для обороны от внешних врагов. Дружинники были реальной военной силой, всегда готовой к бою, а также советниками князя.

держал крепко. Волнистая гладь южнорусских степей сделалась для него земляным морем... По силе и удачливости правителя к нему съехались служить великие богатыри, совершавшие громкие дела.

Владимир Святославич — любимый монарх древнерусских былин. Иные князья поминаются там гораздо реже.

Сочинялись былины ради услаждения слуха воинских людей на пирах и иных торжествах. С течением времени русское военно-служилое сословие утратило к ним вкус — европеизировалось, нашло себе иные развлечения. Но простой народ сохранил былины в памяти, поскольку любил богатырей — защитников своей земли, а вместе с ними и их вождя, князя Владимира.

Владимир Святославич принужден был большую часть своего правления либо вести войну, либо сохранять постоянную готовность ко вступлению в новую войну. В подобных условиях он проявлял большую мудрость, щедро, порой сверх меры, наделяя свою дружину всем необходимым.

Так, велел он по всем дням недели на дворе своем в гриднице** устраивать пир, чтобы приходили туда боярам, и сотским, и десятским, и лучшим мужам — при князе и без князя. По словам летописи, «...бывало на обедах тех множество мяса — говядины и дичины, — было все в изобилии. Когда же,

* Конунг — верховный правитель в древней Скандинавии.

** Гридница — помещение для дружинников в княжеском дворце. — Ред.

▲ Пир богатырей у ласкового князя Владимира.
А. П. Ряпушкин. 1888

бывало, перепьются, то начнут роптать на князя, говоря: “Горе головам нашим: дал он нам есть деревянными ложками, а не серебряными”. Услышав это, Владимир повелел исковать серебряные ложки, сказав так: “Серебром и золотом не найду себе дружины, а с дружиною добуду серебро и золото, как дед мой и отец мой с дружиною доискались золота и серебра”. Ибо Владимир любил дружину и с нею совещался об устройстве страны, и о войне, и о законах страны».

Само время, жестокое, наполненное военными бурями, заставляло его идти по пути доброго согласия со свирепой дружинной стихией.

Древние сказания, повествующие о подвигах богатырей, именуют великого князя киевского Владимиром Красно Солнышко. Вряд ли поэтическое прозвище досталось ему за телесную красоту («красный» значило «красивый»). Скорее, народная память сохранила благодарное отношение к нему как к человеку, вставшему во главе обороны Руси, живому средоточию богатырства. В правление Владимира Святославича на Юге Руси стало светлее — тьма кочевая отступила от границ.

Как ни парадоксально, союз великого князя киевского с дружинной стихией, с приграничным богатырством выглядит чуть ли не самой тяжелой его государственной работой.

Своевольное сообщество дружинников содержало в себе мощный бродильный элемент. Отряды их совершали длинные переходы в поисках выгодной службы, добычи, славы. Они неохотно оседали на земле. Они

Деревянный резной ковш-братина.
Такие ковши использовались на братчинных пирах

ценили удачливых и отважных вожаков, но если вожак давал слабину, легко меняли его на другого. Непокойный, ненадежный, немирный дружинный народ глядел одним оком в сторону темного языческого хаоса. Богатыри того переходного времени рассуждали примерно так: христианство, большой греческий Бог, коего так любит князь Владимир, небесное покровительство — это всё, конечно, очень хорошо. Но давайте-ка рядом с крестиком повесим на шею маленький молоточек Тора. Тоже ведь сильный бог, отчего же пренебрегать им? И не будем спускаться на хмельной мед последний дир-

хем*. Лучше припрячем его, нацарапав на серебряном диске руну, очень полезную для здоровья. А та сила, которая эту руну понимает, сама разберется и поймет, как лучше помочь...

В сущности, дружина киевская состояла из двух слоев.

Первый из них, весьма архаичный, представлял собой дрожжи, способные разнести квашню любой державы. Духовными наследниками людей подобного типа через много веков станут запорожские казаки. Превосходные вояки, надо держать их под рукой какое-то количество по всякий день, но... доверять им нельзя. Напротив, требуется неустанный пригляд за самыми буйными фигурами в этой среде.

Второй объединял тех дружинников, кто готов был остепениться, прочно связать свою судьбу с судьбой князя и всей земли Русской, предпочитал постоянный доход и высокое положение при дворе киевского правителя бесчисленным приключениям в дальних краях. Конечно, чем более человек из этого круга становился служильцем, тем меньше у него оставалось личной свободы. Зато перед ним открывалась перспектива завести постоянную семью, возвыситься на службе, не зависеть более от переменчивой судьбы.

Вторых Владимиру явно не хватало. И ему приходилось соединять их с первыми, особенно в те моменты, когда жаркое дыхание войны посещало Южную Русь. Но чем удержать их, когда на дворе мир, когда нет повода для совершения подвигов и... деяний полуразбойных? Только пирами да серебром, только щедростью да терпением. И как избавить надежных людей от дурного влияния бродяг с их порченными викингскими душами? О, как хочется порой ветерану княжеской дружины оседлать ветер, пойти за добычей вместе с каким-нибудь юным ярлом**. Скучно коротать век, обороняя все тот же Киев от все тех же печенегов под рукою все того же стареющего князя... Таких можно удержать только доверием. Им дается право, которого «бродяги» не заслужат никогда: право являться на княжеский совет и влиять на великие державные дела. Ведь когда твоя воля может повернуть жизнь гигантской страны — это

дорогого стоит. Никакие ветра морских далей не сравнятся с подобной почестью!

Тяжело давалась сия государственная наука сыну Святослава. Он первым — первым! — из русских государей осваивал ее. До Владимира ее просто не существовало, как не существовало даже тени политической стабильности на Руси.

Удержал ли он на своих плечах это бремя? Да, удержал! Остался же в памяти Руси «Красным Солнышком»...

В X веке хищные степняки, особенно печенеги, близко подбирались к столице Руси и представляли собой гибельную угрозу. Юг Руси кипел титанической борьбой, то стихавшей на время, то возобновлявшейся с еще большей силой.

И политический стиль Владимира Святославича в 990-х годах резко меняется. Прежде он думал о завоеваниях, о походах за добычей, а теперь — о защите собственных земель. Для обороны от печенегов великий князь ставит по степным окраинам Киевской Руси новые укрепленные линии с крепким частоколом, сооружает малые крепости и крупные узловы пункты.

По словам летописи, Владимир Святославич публично объявил: «Это плохо, что мало городов вокруг Киева». После этого князь принялся ставить города на Десне, а также по рекам Осетр, Трубеж, Сула и Стугна. «И стал набирать мужей лучших от славян, и от кривичей, и от чуди, и от вятичей и ими населил города, так как была война с печенегами. И воевал с ними и побеждал их...» — добавляет летописец.

В 991 году по его воле в Белгороде была построена мощная крепость. Из других городов сюда привели множество людей и расселили. На западе вырос Владимир Волынский — оплот власти киевского князя на землях волынян.

Великий князь наладил сторожевую службу — так, чтоб стремительная печенежская конница не получила ни единого шанса незаметно подобраться к большим городам Южной Руси. Мужественных людей, служивших в отдаленных крепостицах-заставах, совершавших малыми «сторожами»-дозорами глубокие рейды в степь, народная память превратила в непобедимых былинных богатырей.

Стоит представить себе карту Киевской Руси того времени. К северу от Киева раскинулись бескрайние пространства до Полоцка, Ладоги и Ростова. Севернее Киева — простерлась вся Русь! А вот южнее столицы Владимира Святославича — всего лишь лоскутик Руси, коего едва-едва хватало на сутки движения стремительной степной конницы. Да и этот лоскутик приходилось удерживать, напрягая все силы колоссальной державы. Жизнь и смерть всего государства зависела от того, насколько прочна оборона, сдерживающая неистовый натиск врагов...

Меч времен
князя
Святослава

* Дирхем — арабская серебряная монета. — Ред.

** Ярл — в древней Скандинавии — представитель знатного сословия. — Ред.

▲ Крещение киевлян. К. Лебедев. Конец XIX в.

Итог большой войны со степью, которая шла в годы правления Владимира Святославича, удачен для Руси. Печенежский напор научились сдерживать. Смертельно опасного врага не допускали в срединные области державы.

Благочестивый правитель

Для Русской Церкви и князей-Рюриковичей, потомков Владимира, важнее всего был образ идеального христианского правителя, накрепко связанный с его жизнью после крещения. Этот образ развивался постепенно, накапливая черточку за черточкой, но особой яркости и рельефности он достиг во времена Московского царства. В ту пору наши «книжники» считали, что Владимир своей праведностью превзошел всех восточноримских императоров, кроме разве что святого Константина.

Но истоки представления о Владимире как о благочестивом государе уходят в XI—XII века, во времена составления древнейших русских летописей. А создавали их ученые монахи, быть может, под присмотром великих князей киевских.

О том, что великий князь киевский Владимир Святославич крестился сам и велел крестить своих подданных — всю Русь, — любой школьник знает из учебника по истории. Но для того, чтобы вера Христова устояла, правителю следовало вести себя под-

линно по-христиански, подавая пример всем и каждому.

Именно так поступал Владимир — честно и благочестиво.

После Крещения Руси Владимир княжил еще четверть столетия, сохранив энергию как политик и полководец. Он приучал себя к милосердию, сделался щедр и нищелюбив.

По словам летописца, однажды, при чтении Евангелия, Владимир Святославич обратил внимание на слова: «Блаженны милостивые, ибо те помилованы будут»; и еще: «Продайте именья ваши и раздайте нищим»; и еще: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль истребляет и воры подкапывают, но собирайте себе сокровища на небе, где моль не истребляет, ни воры не крадут»; и слова Давида: «Благословен человек, который милует и займы дает». Слышал он и слова Соломона: «Дающий нищему дает займы Богу». Слышав все это, повелел он всякому нищему и убогому приходить на княжий двор и брать все, что надобно, питье и пищу и из казны деньги. Устроил он и такое: сказав, что немощные и больные «не могут дойти до двора моего», приказал снарядить телеги и, наложив на них хлеба, мясо, рыбу, различные плоды, мед в бочках, а в других квас, развозить по городу, спрашивая: «Где больной, нищий или кто не может ходить?» И раздавали тем все необходимое».

Какое-то время Владимир Святославич с пылом неопита отвергал саму возможность казнить преступников, пытаясь

вразумлять их лишь с помощью «вир» (штрафов). Летописец специально остановился на этом деле — ради урока будущим поколениям: «Умножились зело разбой. И сказали епископы Володимеру: “Вот умножилось число разбойников, отчего не казнишь их?” Тот отвечал: “Боюсь греха”. Они же сказали: “Ты поставлен от Бога на казнь злым, а добрым на милование. Следует тебе казнить разбойников, но прежде расследованию предав их дела”. Володимер же отверг виры и начал казнить».

Великий князь устроил школы. Для «обучения книжного» туда принудительно собирали детей знати. Шли на Русь ученые люди из Болгарии и Византии — переписывать церковные книги, переводить их, передавать опыт русским ученикам.

Крещение Руси — не только принятие веры, но и принятие Церкви, поскольку вне ее жизнь христианина немыслима, спасение души невозможно. А принятие Церкви влечет за собой множество преобразований.

До Владимира Святого в Киеве уже существовали христианские храмы — например, Ильинская церковь. Они предназначались для относительно небольшого круга людей. Христианство начало понемногу проникать на Русь еще во второй половине IX века. Многие ли требовалось для слабой и немногочисленной церковной сферы до-Владимировых времен? Но когда князь Владимир задумал обратить в христианство весь народ, настало время позаботиться о нуждах Церкви совсем в иных масштабах.

Прежде всего, следовало возвести новые большие храмы. Первым и самым знаменитым из них стала соборная церковь Успения Божией матери в Киеве. Ее начали сооружать вскоре после крещения киевлян. На средства князя Владимира строилось роскошное здание, отделанное мрамором и яшмой, украшенное богатыми мозаиками. Размерами оно намного превосходило

маленькую Ильинскую церковь. Новый храм появился в Киеве в середине — второй половине 990-х годов. «Иконы, сосуды и кресты» для него доставили из Корсуня-Херсонеса.

Далее «Повесть временных лет» сообщает: после завершения работ князь Владимир зашел под своды собора и долго молился Христу. Затем великий князь во всеуслышанье объявил: «Даю церкви сей святой Богородицы от имени моего и от градов моих десятую часть». Потом правитель дал грамоту («написал клятву»), официально утверждавшую этот источник церковных доходов, и велел созвать людей на пышное празднование.

Отсюда и неофициальное название собора, принятое народом: Десятинная церковь. До наших дней она, к сожалению, не дошла, погибла в огне монголо-татарского нашествия 1240 года. Лишь фундамент ее показывают ныне туристам киевские экскурсоводы.

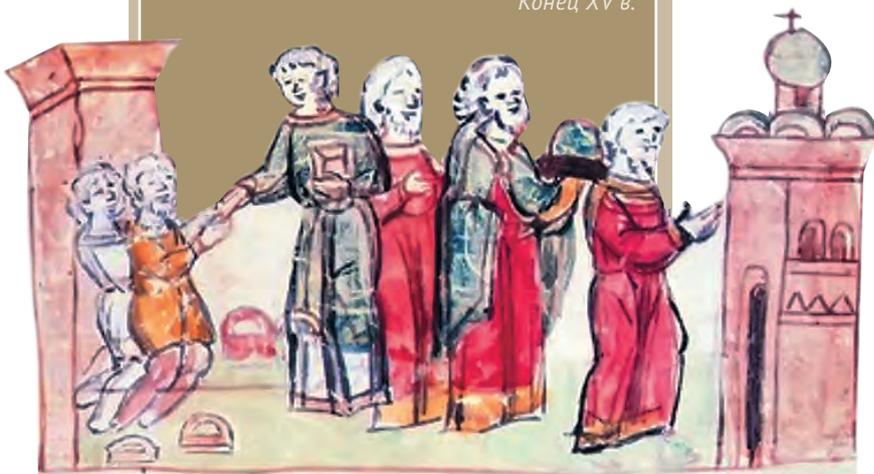
Как только довершилось строительство Десятинной церкви, Владимир произвел важное символическое действие. Состоялось прославление княгини Ольги, первой в роду Владимира принявшей крещение. Ее мощи торжественно перенесли под своды Десятинной церкви. Могила Ольги почиталась киевскими христианами как погребение истинной праведницы. По велению Владимира, столичное духовенство вместе с ним пошло крестным ходом к этому месту. Останки Ольги бережно извлекли наружу и убедились том, что их чудесным образом не коснулся тлен. Тело доставили в храм, где его ожидал каменный саркофаг. С тех пор воздвигнутый трудами Владимира собор стал великокняжеской усыпальницей. Мощи Ольги были главной его святыней: у гроба ее, как свидетельствуют древнерусские книжники, совершались исцеления от хворей.

Это чрезвычайно важное деяние Владимира. Он встраивал Русь в сообщество христианских держав. Там имелись собственные личности, вокруг которых установилось церковное почитание, и здесь появляется богомудрая Ольга, поставленная в один ряд с древними мучениками и миссионерами, несомненными святыми. Официальная канонизация ее произойдет позднее, однако церковный культ Ольги уходит корнями именно в X век.

В наши дни два разных образа князя Владимира слились воедино. Для наших современников этот правитель — противоречивая личность. Храбрый и смиренный одновременно, он предстает то в коленопреклоненной позе перед иконами, то с кубком в руке на буйном празднестве, то с мечом на защите границ.

А для тех, кто жил в суровую эпоху, когда Древняя Русь ценою крови, обильно пролитой на степных рубежах, сдерживала натиск кочевых народов, сберегала свободу свою и недавно обретенную веру, такой прави-

Молитва князя Владимира в Десятинной церкви. Миниатюра из Радзивилловской летописи. Конец XV в.

тель выглядел органично. Каким еще мог быть истинный государь в то время?

Слово «миф» не надо воспринимать как синоним слов «ложь» или «искажение». У него есть и другое значение: миф — устойчивый образ какого-либо исторического деятеля, города, эпохи. В этом смысле миф — опоэтизированный и навеки застывший фрагмент истории, частичка вечности в потоке времени.

Итак, настоящий князь Владимир, каким он был, виден в соединении двух «прядей»

исторической памяти о нем, двух зерен вечности на ладони русской судьбы. Это сложный человек, но противоречия в его натуре нет, скорее, видна разносторонность характера. Народ «развинтил» эту разносторонность на «детальки» и передал через века по частям...

Святые не всегда отвечивают сусальным золотом. Иной раз в их образе больше сверкания булатного, и слава Богу, что остро отточенное железо в их руках служило Кресту, а не древней языческой тьме. **Ф.**

Патриарх Кирилл

Трудный выбор Святого Владимира

Крещению Руси предшествовали годы осмотрительного изучения всего того, что тогдашний мир предлагал с точки зрения религиозного выбора. И из всего многообразия этих предложений князь Владимир делает судьбоносный выбор, принимая веру православную. А поелику крещение князя не было только его личным делом, — ведь крестился глава народа, — то его выбор стал выбором всего народа.

Мы не можем даже представить себе, насколько трудным был этот шаг святого князя Владимира. Каждый из своего личного опыта знает, как сложно противиться устоявшимся традициям и обычаям, даже если эти дурные обычаи. Они входят в плоть и кровь людей, они создают некую внешнюю культуру, выйти из которой означает совершить поступок мужественный, поступок, несомненно сопровождаемый отрицательным к себе отношением других. Так было и во времена князя Владимира. Для многих отеческая языческая вера была близкой и понятной. Она потакала человеческим страстям, она раскрепощала человеческие инстинкты, она сопровождалась бурными застольями, как и кровавыми жертвоприношениями. Та вера формировала не только национальный облик народа, но и некую видимую культуру; однако великий благоверный и равноапостольный князь делает решительный шаг в другую сторону.

Наверняка в то время были люди, которые говорили, что он делает неправильный выбор из всех имеющихся предложений. И знаем точно, что многие из народа не одобрили его выбора, потому что душой оставались язычниками. Им было трудно порвать со свободой языческих нравов и принять новые обязательства пред Богом, которые требовали духовного подвига, самоограничения, — то есть того, что было противно языческому образу жизни. Но, несмотря на эти трудности, совершилось историческое деяние: вместе с Крещением Русь сделала свой цивилизационный выбор и на протяжении веков сохраняла верность этому выбору.

В наше непростое время мы сталкиваемся с теми же искушениями, с которыми столкнулся равноапостольный князь Владимир. Кто-то говорит об ошибке великого князя, о том, что не в ту географическую сторону обратил он свой взор, что надо было сделать иной выбор, и тогда, мол, наша жизнь была бы лучше. Наверняка то же самое говорили древние киевляне: зачем он делает этот выбор? Зачем возлагает на нас новые бремена? Зачем требует от нас того, что не требовала старая вера? Но ведь и сегодня для многих, как и для древних язычников, православная вера является бременем неудобноносимым. Некоторым кажется, что она связывает их личную свободу, что она требует невозможного, что она мешает жить в свое удовольствие, по голосу плоти.

Действительно, христианство, в отличие от языческого образа жизни, — будь то в глубокой древности или в нынешнее время, — требует работы над собой, борьбы со своими страстями, постоянного воспитания духа и воли, восхождения горé. А идти вверх, как мы знаем, гораздо тяжелее, чем спускаться вниз. Вот это требование к каждому человеку и ко всему народу становится лучше и лучше, духовно и нравственно укрепляться, многие и сегодня воспринимают как бремена неудобноносимые, повторяя ропот язычников-киевлян.

Но победил князь Владимир, определив цивилизационное развитие своего народа, включив через Таинство Крещения свой народ в великую традицию духовной и нравственной жизни, увенчанную и украшенную подвигом сонма святых и новомучеников. И сегодня мы верим, что, несмотря на языческие соблазны мира сего, продолжая дело святого равноапостольного великого князя Владимира, мы будем идти вперед, будем стремиться горé, потому что человек, не устремляющийся к небу, обречен на то, чтобы пресмыкаться на земле. **Ф.**

Из Слова после молебна у памятника Крестителю Руси на Владимирской горке в Киеве, июль 2012